HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Секретный доклад Н.С. Хрущева и восстановление автономных территорий в 1957 г.
Author(s)	Ханья, Сиро
Citation	Acta Slavica Iaponica, 22, 141-164
Issue Date	2005
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39445
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI22_007.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 22, pp. 141-164

Секретный доклад Н.С. Хрущева и восстановление автономных территорий в 1957 г.

ХАНЬЯ Сиро

Введение

В январе 1957 г. был восстановлен ряд автономных территорий народов, которые в 1943-1944 гг. были подвергнуты депортации.

Напомним предысторию этих событий. После освобождения Красной Армией Северного Кавказа калмыки, карачаевцы, балкарцы, а также чеченцы и ингуши были обвинены в измене родине и сотрудничестве с фашистской Германией во время оккупации. Эти народы были поочередно выселены вглубь Центральной Азии и Сибири, а их национальные автономии ликвидированы. Вплоть до смерти И.В. Сталина в местах высылки они содержались под строгим контролем в условиях режима спецпоселения. Н.С. Хрущев, победив соперников в борьбе за власть, взял курс на десталинизацию общества, который достиг апогея на XX съезде КПСС. 25 февраля 1956 г., в последний день работы съезда, на закрытом заседании он зачитал доклад «О культе личности и его последствиях», в котором указал на депортацию народов как на одно из преступлений сталинской эпохи. Народности, упомянутые в этом секретном докладе, увидели в начавшейся десталинизации надежду на возможность возвращения из ссылки. Будучи освобождены из спецпоселений они, тем не менее, были обязаны оставаться в местах высылки, но, невзирая на запрет, массами предпринимали попытки нелегально вернуться на историческую родину. В результате центральная власть оказалась попросту вынуждена допустить их незаконное возвращение на родину: постановлением Президиума ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г.[1] были восстановлены национальные автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов, а 9 января 1957 г. изданы соответствующие Указы Президиума Верховного Совета СССР.[2] Настоящая работа имеет целью осветить процесс кардинальных перемен, которые произошли в жизни этих народов в краткий, годичный, срок, начиная с XX съезда КПСС в феврале 1956 г. и заканчивая восстановлением их автономий в январе 1957-го.

Обращаясь к публикациям исследователей по данному вопросу, следует, прежде всего, упомянуть ставшую уже классической работу А.М.

1 *Артизов А.Н. и др.* (сост.) Реабилитация: как это было. Т. 2, М., 2003. С. 199-203.

2 *Артизов.* Реабилитация. Т. 2. С. 218-220.

Некрича, изданную после его эмиграции в Америку.[3] На основе привлечения труднодоступных на тот момент документов он изложил основные факты депортации народов и реабилитационного процесса вплоть до 1957 г. Последователем Некрича выступил Н.Ф. Бугай, который в условиях нараставшей волны гласности и массового рассекречивания архивных документов после распада СССР добился значительного прогресса в разработке этой темы.[4] Еще несколько лет спустя в соавторстве с А.М. Гоновым он опубликовал обстоятельное исследование по истории Северного Кавказа с 20-х по 60-е годы XX в.,[5] в котором на основе широкого использования архивных документов рассмотрел процесс депортации и последующей реабилитации здешних народов. В последние годы появился еще ряд важных работ, частично затрагивающих интересующую нас тему. Так, В.А. Козлов одну из глав своей монографии посвятил вопросам возвращения чеченцев и ингушей на Северный Кавказ после смерти Сталина,[6] а В.Н. Земсков в исследовании о спецпоселениях, в которых, как мы знаем, и находились депортированные народы, проанализировав развитие их режима, одновременно привел подробные количественные характеристики состава этих спецпоселений.[7]

Помимо исследований в печати появилось несколько документальных сборников, затрагивающих интересующие нас сюжеты. Публикация, подготовленная под руководством К. Аймермахера, например, освещает влияние XX съезда КПСС на реабилитационный процесс в стране.[8] Особого внимания заслуживает документальная серия «Реабилитация: как это было». Наконец, целый ряд документальных сборников специально посвящен проблемам депортированных народов.[9]

Одним словом, имеется немало работ по интересующей нас тематике. Вместе с тем многие исследователи и, в первую очередь, Некрич, Бугай и Гонов преследуют цель главным образом разоблачить политику сталинских репрессий по отношению к определенным народам, обращая значительно меньшее внимание на постсталинский период, который в указанном аспекте в итоге оказался недостаточно изученным. Кроме того, нам представляется, что эти авторы подчас чрезмерно увлекаются

---

3 Aleksandr M. Nekrich, *The Punished Peoples* (New York, 1978).

4 *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.

5 *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). М., 1998.

6 *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск, 1999.

7 *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М., 2003.

8 *Аймермахер К.* (отв. редактор) Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002.

9 *Бугай Н.Ф.* (сост.) Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «их надо депортировать...». М., 1992; *Милова О.Л.* (сост.) Депортации народов СССР (1930-1950-е годы). Ч. 1, М., 1992; *Алиева С.У.* (сост.) Так это было. Т. 1-3, М. 1993; *Алиев И.* (отв. редактор) Реабилитация народов и граждан 1954-1994 годы. М., 1994.

описанием конкретных фактов из истории того или иного репрессированного народа в ущерб анализу событий, которые в итоге привели к восстановлению автономных территорий на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье. Иначе говоря, до сих пор исследователи считали восстановление автономий естественным результатом десталинизации, не слишком много внимания уделяя рассмотрению хода территориальной реабилитации депортированных народов. В их работах не достает детального анализа трехсторонних взаимоотношений по линии «центр-регион-народ», которые, оказывая друг на друга значительное влияние, в конечном счете, привели к воссозданию национальных образований горцев и калмыков. В этом смысле по своему подходу и постановке вопроса настоящая статья ближе к работам, которые касаются реабилитации жертв политических репрессий (показательный пример в этом отношении – вышеназванные сборники документов, посвященные проблемам реабилитации).

Автор данной статьи стремился рассмотреть историю восстановления автономных территорий в 1957 г. в контексте реабилитационного процесса постсталинского периода, уделяя при этом особое внимание воздействию секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС на воссоздание этих национальных автономий. Широко известно, что доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» сыграл огромную роль в активизации реабилитационного процесса. Исходя из этого, можно предположить, что его значение в деле территориальной реабилитации депортированных народов было, по крайней мере, не меньшим. Как мы могли уже убедиться, в исследовательской литературе эта его роль никак не отражена, и такой подход, на наш взгляд, нуждается в пересмотре. Словом, обобщив данные о судьбе отдельных народов, учтя нюансы отношения к ним центральных и местных властей, автор хотел бы отобразить восстановление их автономий в 1957 г. как стадию в динамичном реабилитационном процессе, толчком к началу которого явился XX съезд КПСС. При этом следует учесть специфику отношений в рамках партийного аппарата по линии «центр-регион», которые важны для объяснения изменений политического курса в отношении депортированных народов.

XX съезд КПСС

Секретный доклад Н.С. Хрущева

25 февраля 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС Хрущев зачитал доклад «О культе личности и его последствиях». Он представил публике «политическое завещание» В.И. Ленина, долго скрывавшееся даже от членов партии, и, анализируя его, положил начало кампании критической переоценки деятельности Сталина. Были обнародованы факты массовых репрессий и произвола времен расцвета культа личности, ко-

торые теперь стали рассматриваться как отход от «ленинских норм партийной и государственной жизни». Было публично заявлено об ошибках Сталина во время начала войны с фашистской Германией и о допущенных им нарушениях принципов ленинской национальной политики.

Как известно, этот доклад нового лидера партии произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Затрагивая в числе прочих и тему депортации народов в качестве одной из ошибок Сталина в национальном вопросе, Хрущев указал на карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей и балкарцев, ни словом, однако, не упомянув немцев, крымских татар и представителей многих других репрессированных народов.[10] Вскоре по окончании съезда народы, упомянутые в докладе Хрущева, были освобождены из спецпоселений указами Президиума Верховного Совета СССР: 17 марта калмыки, 28 апреля – балкарцы, а немного позже, 16 июля – карачаевцы и чеченцы-ингуши.[11]

Следует сказать, что вопрос о ликвидации спецпоселений поднимался еще до XX съезда. Если не считать первых и малоуспешных шагов, предпринятых в августе 1953 г. Л.П. Берия,[12] очевидное движение в

---

10 *Журавлев В.В.* (общ. редакция) XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991. С. 39-41; *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 94. Разработка текста доклада 25 февраля прошла несколько этапов: 18 февраля свой проект представили А.Б. Аристов и П.Н. Поспелов, днем позже, 19 февраля, сам Н.С. Хрущев продиктовал дополнения к своему будущему выступлению, 23 февраля появился новый проект доклада (См.: *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 41-45.) и, наконец, накануне своего выступления Хрущев вместе с секретарем ЦК КПСС Д.Т. Шепиловым окончательно доработали его текст (См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти 1945-1991. Новосибирск, 2000. С. 127.). Характерно, что первые три проекта упоминаний о депортации народов вообще не содержали (См.: *Артизов А.Н. и др.* (сост.) Реабилитация: как это было. Т. 1. М., 2002. С. 353-379; *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 93). Однако сразу после рассылки проекта от 23 февраля некоторым партийным руководителям сам Никита Сергеевич, по всей видимости, неожиданно захотел затронуть в своем выступлении эту тему, о чем свидетельствует карандашная пометка на сопроводительной записке от того же числа, вероятно, сделанная Шепиловым: «6. Добавить о выселении целых народов (вместе с коммунистами)» (См.: *Артизов.* Реабилитация. Т. 1. С. 379; *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 42). Вместе с тем Шепилов в своих воспоминаниях утверждает, что ему были поручены лишь разделы по международным и военным вопросам (См.: *Артизов.* Реабилитация. Т. 1. С. 413.). Таким образом, можно заключить, что тема депортации вообще, как и выбор народов, «достойных» быть при этом упомянутыми, были определены лично Хрущевым в последний момент перед его выступлением на съезде, вероятно, между 23 и 25 февраля.

11 *Артизов.* Реабилитация. Т. 2. С. 25-26, 79-80, 162-163.

12 *Земсков.* Спецпоселенцы в СССР. С. 228-230. О реформаторском курсе Берия после смерти Сталина подробнее см.: Amy Knight, *Beria: Stalin's First Lieutenant* (Princeton, 1993), pp. 183-194; *Кокурин А.И. и др.* (сост.) «Новый курс» Л.П. Берии 1953 г. // Исторический Архив. 1996. № 4. С. 132-164.

этом направлении начало наблюдаться с лета 1954 г. При ликвидации спецпоселений особое внимание уделялось удержанию освобождаемых в местах высылки, а также тому, чтобы они ни в коем случае не смогли вернуться в места, откуда в свое время были высланы. Это стало реакцией властей на обстоятельства, которыми сопровождалась реабилитация кулачества в августе 1954 г., когда вновь освобожденные массами ринулись в родные места.[13] 13 декабря 1955 г., впервые среди депортированных народов, с режима спецпоселений были сняты немцы. Это послужило причиной оживления среди прочих депортированных – народов Северного Кавказа, калмыков и пр.[14]

В целом, освобождение депортированных народов из спецпоселений явилось следствием реализации нового политического курса партии, а отнюдь не прямым результатом доклада «о культе личности». Конечно, доклад Хрущева сыграл роль катализатора, но и без него тенденция освобождения горцев и калмыков от режима спецпоселений рано или поздно возобладала бы. Следовательно, историческое значение этого доклада в отношении депортированных народов заключалось в другом, а именно: само упоминание в нем спровоцировало ранее совершенно не прогнозировавшиеся властями действия со стороны лиц, принадлежавших к депортированным.

Активизация народов

Доклад Н.С. Хрущева был разослан местным партийным организациям и зачитывался на всех партийных и комсомольских собраниях. Его содержание потрясло советское общество и задело за живое горцев и калмыков, которые восприняли его с большим воодушевлением. По завершении съезда в ЦК КПСС поступило множество писем – свыше 120 до середины мая, причем, учитывая коллективные послания, их авторами в общей сложности стало более 6,5 тыс. граждан.[15] В своем письме от 30 марта чеченцы и ингуши, например, сообщали, что когда они «услышали правдивые слова тов. Хрущева», у них «потекли слезы счастья и радости».[16] Карачаевцы в своем обращении от 10 мая, горячо приветствуя прозвучавшие на съезде оценки, даже называли хрущевский доклад «вторым Октябрем».[17]

Дело не ограничивалось письмами. Весной и летом 1956 г. среди депортированных народов широко распространилось создание национальных организаций и объединений специально для отправки в Моск-

---

13 *Земсков.* Спецпоселенцы в СССР. С. 237.

14 Там же. С. 251-252.

15 РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории), ф. 5 [Аппарат ЦК КПСС], оп. 31, д. 56, л. 41; *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 307.

16 *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 351.

17 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 44.

ву «ходоков», либо для составления коллективных жалоб с требованиями восстановления утраченных при Сталине прав на самоопределение и т.п. Характерным примером в этом отношении являются калмыки. Формирование калмыцкого народного объединения наметилось сразу после указа об их освобождении и рассылки хрущевского доклада на места, и уже 13 июня их делегация в составе шести человек была принята К.Е. Ворошиловым.[18] С этого момента московские «инстанции» заполонили делегации и коллективные обращения депортированных народов, на местах устраивались денежные сборы в пользу «ходоков», размножались и распространялись письма, с которыми они ехали в столицу с тем, чтобы по их возвращении направить в Москву новые.[19]

Особой активности калмыков сопутствовало несколько обстоятельств. Во-первых, состав их «ходоков» и подписи под коллективными обращениями свидетельствуют, что во главе калмыцкого народного движения встали такие видные деятели, как писатель А. Сусеев, бывший председатель республиканского Совнаркома Н. Горяев, инженер и партийный работник А. Бачаев. Движение прогрессировало именно потому, что эта «элита» усмотрела в новом политическом курсе возможность обретения автономии и, используя свой авторитет, поддержала «брожение умов», начавшееся в рядах их последователей. Во-вторых, участники этого движения были совершенно уверены в справедливости собственных притязаний, так как считали свои действия отвечавшими духу решений XX съезда КПСС и ленинским принципам национальной политики. Как в своих письмах, так и на приемах в Москве в доказательство они гордо заявляли, что у них сохранился оригинал указа об учреждении калмыцкой автономии за подписью «самого» Ленина. Поэтому, не удовлетворившись ликвидацией спецпоселений, калмыки создали широкое национальное объединение, ставя при этом целью полное восстановление своих прав вплоть до возвращения автономии.[20]

Схожим был состав руководства организаций и других народов, чьи национальные права в свое время оказались попраны, за исключением чеченцев и ингушей. Их объединение возглавили не только бывшие руководители Чечено-Ингушской АССР и видные представители национальной интеллигенции, но и религиозные лидеры и старейшины родов, причем последние оказались не менее влиятельными. Как указывалось в специально подготовленной по этому случае справке аппарата ЦК КПСС, вследствие запущенности партийно-воспитательной работы, среди чечен и ингушей «оживились феодально-родовые пережитки и религиозные

18 *Артизов.* Реабилитация. Т. 2. С. 124-126.

19 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 132.

20 *Артизов.* Реабилитация. Т. 2. С. 124-126; РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 94-99; оп. 32, д. 55, л. 30-35.

предрассудки», а также «значительно усилилось влияние шейхов, мулл и так называемых родовых авторитетов».[21]

Массовое возвращение

Просчет центра

Несмотря на активизацию народных движений, центр и после ликвидации спецпоселений стремился сохранить статус-кво, иными словами – обеспечить пребывание всех депортированных в местах высылки. Все указы на этот счет содержали одну и ту же оговорку: освобождаемые «не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». Меры, направленные на закрепление народов на «новой родине», стали приниматься еще до появления указов об их освобождении. В качестве примера можно указать на организацию выпуска в Казахской ССР газеты на чеченском языке или появление здесь национальных театров.[22]

Хотя весной 1956 г. в Москву начали поступать письма от депортированных народов, до мая этого года включительно центр оставался непоколебим. Например, в совместной записке Отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам и Отдела административных органов ЦК КПСС от 17 мая 1956 г. по поводу требований автономии говорилось, что «если бы встал вопрос о восстановлении той или другой автономной области, то сделать это следовало бы в пределах указанных выше союзных республик (Т.е. Казахской и Киргизской ССР. – *Х.С.*)».[23] В общем власти были готовы предоставить депортированным народам автономию лишь в крайних случаях и только в местах высылки, т.е. в Центральной Азии. Здесь важен не сам факт признания Кремлем возможности предоставления автономии, а характерное для него стремление навязать депортированным народам пребывание в местах высылки и после их освобождения из спецпоселений. Другими словами, возможности возвращения депортированным народам ранее принадлежавших им территорий и создания их автономий на Северном Кавказе в центре тогда даже не рассматривались.

Однако постепенно ситуация стала меняться. В 1955 г. часть освобожденных постановлением Президиума ЦК КПСС от 9 мая того же года (в основном члены партии) на свой страх и риск попытались явочным порядком вернуться на родину, однако из этой затеи ничего не получилось: одних отговорили, других удержали, третьих заставили вернуться назад. Однако вслед за XX съездом и особенно последовавшей ликвидацией режима спецпоселений число самовольно возвратившихся

---

21 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 122.

22 Там же, оп. 16, д. 729, л. 28-31; оп. 31, д. 56, л. 41-42; *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 292-293, 307-308.

23 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 42; *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 308.

заметно возросло.[24] Уже в середине мая 1956 г. в Кремле знали о росте несанкционированного возвращения, но ограничились указанием партийным органам Казахстана и Киргизии о необходимости ведения широкой разъяснительной работы относительно сущности «освободительного» указа.[25] Таким образом, опасность, связанную с движением «возвращенцев», в Москве поначалу явно недооценили.

Просчет центра состоял в попытке автоматически применить практику, оказавшуюся успешной в случае с немцами, по отношению к остальным народам. В своей массе немцы соглашались выполнять распоряжение о нахождении в местах высылки и даже давали соответствующие письменные обязательства.[26] С горцами же и калмыками дело обстояло совсем иначе. Воодушевленные хрущевским докладом, они не только зачастую отказывались что-либо подписывать (до октября 1956 г. среди чеченцев, ингушей и карачаевцев такие «отказники» составляли от 28,1% в Казахстане до 43,3% в Киргизии[27]), но и, игнорируя официальный запрет, стремились как можно скорее вернуться на родину.

Причины различий в поведении этих народов, возможно, следует искать в характерном для немцев уважении к закону.[28] Но это довольно поверхностное объяснение, особенно если учесть резкий рост количества «возвращенцев» после XX съезда. Нам думается, что «синдром возвращения» горцев и калмыков был спровоцирован, главным образом, самим фактом упоминания об этих народах в хрущевском докладе. Немцы же подобного «оправдания» не имели. Доклад поднял дух депортированных народов и привел к массовому созданию их национальных объединений. Впрочем, и помимо всего этого многие депортированные, не дожидаясь ни сведений от московских «ходоков», ни официальных разрешений, самовольно возвращались на родину.

Летом 1956 г. центр, наконец, осознал серьезность вопроса. По поручению ЦК КПСС, группа работников аппарата ЦК, Президиума Верховного Совета СССР и союзного МВД направилась на места для ознакомления с создавшимся положением.[29] На Северном Кавказе и в сте-

---

24 *Козлов.* Массовые беспорядки. С. 121. А. Некрич сообщает, что чеченцы пытались возвращаться на Северный Кавказ начиная уже с 1954 г. – Nekrich, *The Punished Peoples*, p. 135.

25 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 42; *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 308.

26 *Карпыкова Г.А.* (отв. редактор) Из истории немцев Казахстана (1921-1975 гг.). Алматы – Москва, 1997. С. 208-214; *Бугай.* Иосиф Сталин – Лаврентию Берии. С. 271-272.

27 *Земсков.* Спецпоселенцы в СССР. С. 254.

28 *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992-...): его предыстория и факторы развития. М., 1998. С. 73; *Бруль В.* Депортированные народы в Сибири (1935-1965 гг.): сравнительный анализ // Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 115 (см. также: http://www.memo.ru/history/nem/index.htm).

29 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 112-113; *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 387-389.

пях Нижнего Поволжья московская комиссия неожиданно для себя обнаружила тысячи бывших депортированных: к началу сентября на родину вернулось более 1700 калмыков, около 2600 балкарцев, 602 карачаевца и 2473 чеченца (см. таблицу). Более того, с мест сообщали, что после окончания уборки урожая многие из вновь освобожденных также собираются вернуться в родные края. Таким образом, стало очевидно, что проблема несанкционированных «возвращенцев» требует неотложного решения.

Динамика возвращения на родину освобожденных из спецпоселений[30]

	Численность во время освобождения	Дата Освобождения в 1956 г.	Число возвратившихся на родину по отношению к народу в целом (в %)	
			в начале сентября	в конце октября
Калмыки	82 806	17 марта	1 700 (2,1%)	2 100 (2,5%)
Балкарцы	30 446	28 апреля	2 600 (8,5%)	11 000 (36,1%)
Карачаевцы	56 500	16 июля	602 (1,1%)	3 000 (5,3%)
Чеченцы	313 686	16 июля	2 473 (0,8%)	3 000 (1,0%)
Ингуши	81 025	16 июля	–	3 000 (3,7%)
Все народы	564 463	–	7 375 (1,3%)	22 000 (3,9%)

Центр и регионы: столкновение интересов

Вплотную за решение проблемы возвращения депортированных народов на родину аппарат ЦК КПСС взялся в сентябре 1956 г. Обсуждение этого вопроса проходило при участии партийных органов заинтересованных республик, краев и областей, причем по ходу дела все отчетливее выявлялись противоречия по линии «центр-регионы в целом» и одновременно между различными регионами. Так, республики и края, откуда были готовы выехать горцы и калмыки, в основном разделяли опасения центра.

В Центральной Азии, куда в свое время были выселены главным образом народы Северного Кавказа, партийные и советские органы в одном случае (в Казахской ССР) считали их выезд вообще нежелательным, в другом (в Киргизии), не возражая в принципе, тем не менее, полагали, что дело требует постепенности.[31] В этих двух республиках северокавказские народы составляли не менее 5% населения, а потому с их отъездом там мог возникнуть дефицит рабочих рук.

То же и в Сибири, где находились калмыки – здешние руководители были явно и давно обеспокоены оттоком бывших депортированных. Еще при ликвидации спецпоселений в начале марта 1956 г. секретари

30 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 104, 110, 112, 114, 117, 119, 127, 128, 134, 224.

31 Там же, л. 111, 113, 116.

Алтайского крайкома, Новосибирского и Тюменского обкомов партии докладывали в ЦК, что упразднение спецпоселений, по их мнению, преждевременно.[32] Естественно, что в сентябре сибирские власти вновь высказались против отъезда Калмыков на родину. Интересно, что руководители Алтайского края считали возможным создание калмыцких национальных районов на территории самого этого края, пусть и через два-три года.[33] Очевидно, что это предложение было вызвано тем же, что и в Центральной Азии, опасением дефицита рабочей силы, для чего руководство Алтая было даже готово пойти по пути переманивания к себе калмыцкого населения всей Сибири.

На Северном же Кавказе и в степях Нижнего Поволжья «возвращенцы» (за исключением чечен и ингушей, о которых речь пойдет ниже) приветствовались как партийно-советскими органами, так и местным населением. Региональные власти видели в бывших депортированных важный резерв рабочих рук для выполнения планов только что начавшейся 5-й пятилетки. Без притока рабочей силы извне выполнить эти планы собственными силами было весьма проблематично: например, в 1956 г. только на территории бывшей Калмыцкой АССР недоставало 12,5 тысяч пар рабочих рук, причем через 2-3 года этот дефицит должен был составить уже 32 тысяч человек.[34] Кроме того, в районах прежнего пребывания горцев и калмыков существовало немало слабо- или вообще незаселенных мест – там, как правило, царило запустение, полное или частичное.[35]

Вот только два примера, которые показывают накал борьбы на местах за «возвращенцев». В конце августа 1956 г. по поручению одного из колхозов Дубовского района Ростовской области в Тюмень явился некто Шевченко с задачей увезти 20 калмыцких семей в пославший его колхоз. Ростовский посланец был даже оснащен своеобразной «верительной грамотой» райкома партии и райисполкома. Но это не помогло, и его агитация вызвала отпор со стороны тюменских властей, обеспокоенных оттоком рабочей силы. Столкнувшись с препятствиями, Шевченко направил телеграмму в ЦК КПСС, прося содействия центра, но успеха не достиг. Правда, позднее выяснилось, что «посылка представителя за калмыками имела место в одном только колхозе» Ростовской области и была предпринята без ведома обкома партии.[36]

Совсем иначе обстояло дело с приемом фактически нелегально возвращавшихся на родину балкарцев. Обком КПСС не только допустил их свободный въезд в Кабарду с первых же дней отмены режима спецпо-

32 *Артизов.* Реабилитация. Т. 2. С. 791-792.
33 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 133.
34 Там же, л. 135.
35 Там же, л. 108-109, 112-113, 117; *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 387-389.
36 РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 55, л. 36-37.

селений в конце апреля 1956 г., но и принял три специальных постановления своего бюро (19 мая, 9 июня и 3 сентября), которые способствовали их приему и трудоустройству. Хотя все это явно противоречило официальному запрету на возвращение бывших спецпоселенцев на родину, первый секретарь Кабардинского обкома В. Бабич, пользуясь поддержкой инспектора ЦК КПСС Колесникова, упорно гнул эту линию. При этом Кабардинский обком, видимо, расширительно толковал содержание хрущевского доклада, полагая, что осуждение центром депортации как ошибочного курса развязывает местным властям руки в этом вопросе и позволяет им самостоятельно решать проблему обеспечения своего региона рабочей силой. Между тем, благодаря поддержке обкома, возвращение балкарцев шло по нарастающей: к началу сентября их вернулось 2 600 человек, или 8,5% от численности всего народа. Центр очнулся только через месяц, когда процесс их возвращения принял лавинообразный характер (к началу октября на родину вернулось уже 8 600 балкарцев, или 28,2%[37]). В начале октября Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР решил вмешаться в самовольные действия Кабардинского обкома и распорядился отменить постановление его бюро от 3 сентября как противоречившее указу 28 апреля.[38]

Подобное покровительство местных властей нелегальным «возвращенцам» не могло не оказать влияния на появление у бывших депортированных своего рода «синдрома возвращения». Относительно свободный въезд на Северный Кавказ вызвали цепную реакцию, ряд национальных групп охватил ажиотаж, под влиянием которого они стремились как можно скорее вернуться на родину, будто «боясь, что тот, кто опоздает и не устроится, вынужден будет вернуться обратно или его снова выселят».[39] Маховик этого «синдрома» набирал обороты.

Правда, случай с балкарцами был все-таки исключением из общего порядка действий местных партийных органов, которые стремились следовать указаниям центра. Поэтому у прочих кавказских народностей «синдром возвращения» не получил такого же яркого проявления, как у балкарцев (см. таблицу). Однако при этом другие партийные руководители совсем не уступали Кабардинскому обкому в стремлении обеспечить свои регионы рабочей силой и настаивали на скорейшей легализации «возвращенцев». Это отвечало и интересам самих бывших депортированных: горцы и калмыки в массе собирались уехать из Центральной Азии и Сибири на свою историческую родину. Поэтому балкарский пример в любой момент мог распространиться и на них.

---

37 Там же, оп. 31, д. 56, л. 117; оп. 32, д. 56, л. 66.

38 Там же. оп. 32, д. 56, л. 64-68. Вероятно, в результате этих действий центра, к концу октября 1956 г., как видно из таблицы, темпы «возвращенчества» балкарцев несколько упали.

39 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 231-232.

Чечено-ингушский вопрос

В отличие от балкарцев, карачаевцев и калмыков, возвращение которых местные власти приветствовали, исходя из стремления преодолеть региональный дефицит рабочих рук, перспектива возвращения чечен и ингушей вызывала немалое беспокойство как у партийно-советских органов, так и среди населения региона. В середине сентября 1956 г. центр получил сообщение об отрицательном отношении местных властей к ожидавшемуся появлению здесь бывших депортированных: в районах бывшей Чечено-Ингушской АССР, указывалось в документе, можно было якобы разместить не более одной трети ожидавшихся «возвращенцев». Здесь же говорилось о недостатке жилья и количества рабочих мест, подчеркивался избыток рабочей силы в регионе. Высказывалось даже соображение, что возвращение всех желающих потребует перемещения населения региона в другие места.[40]

Недостаток пахотных угодий в Чечне действительно имел место, поскольку в районах прежнего проживания чечен и ингушей после их выселения нашло приют около 180 тысяч переселенцев, или свыше трети тогдашнего населения бывшей ЧИ АССР. Однако при сопоставлении ситуации в бывшей Чечено-Ингушской АССР с положением, которое сложилось в других регионах Кавказа, позиция здешних руководителей может вызвать только недоумение. Мы уже отмечали, что власти других северо-кавказских регионов видели в притоке населения источник пополнения кадров, которые могли бы способствовать развитию региона, и потому не жалели капиталовложений для решения жилищных вопросов и проблем трудоустройства. Напрашивается вывод, что руководители территорий, ранее входивших в состав Чечено-Ингушетии, старались найти любой, даже надуманный предлог, лишь бы избежать возвращения чечен и ингушей в родные места.

Истинная причина такой позиции, вероятно, заключалась в стойкой антипатии к чеченам и ингушам, вызванной тем, что, по убеждению местных властей, «многие чеченцы и ингуши в прошлом зарекомендовали себя плохо, некоторая часть из них занималась воровством, грабежами и бандитизмом». Особенно сильное впечатление на власти произвели чеченские «банды», из боязни которых большинство сел в горных районах Чечни после выселения чеченцев намеренно не восстанавливалось во избежание их использования этими формированиями в будущем в качестве мест базирования. В глазах властей чеченцы, таким образом, являлись неблагонадежным элементом. Последующие (после 1956 г.) события еще больше укрепили подобное отношение к ним. По мере увеличения числа «возвращенцев», чеченские «банды» вновь активно развернули антирусскую деятельность. В общем, советско-партийное руководство региона всерьез опасалось массового возвращения чечен и

40 Там же, л. 113, 126; *Аймермахер.* Доклад Н.С. Хрущева. С. 388.

ингушей, видя в нем возможный катализатор возникновения новых очагов нестабильности в регионе и усиления межнациональной розни.[41]

Эти опасения разделяло и местное население, особенно та его часть, которая заселилась после депортации чеченцев и ингушей. Сказывались обычные трения между «новыми» и «старыми» хозяевами (бывшие депортированные требовали немедленного возвращения своих домов, часто оскорбляя при этом новых хозяев и угрожая им), имели место попытки самовольного вселения и даже нападения на местных жителей с применением огнестрельного и холодного оружия, случались и убийства колхозников. Все это, понятно, сильно нервировало население. В конце августа колхозники Ритлябского района Дагестанской АССР, который ранее входил в состав ЧИ АССР, направили в Москву жалобу – мол, без вмешательства центра их отношения с чеченцами в будущем обретут характер «кто кого». В октябре появилась информация, что ввиду скорого возвращения чеченцев во многих колхозах упала трудовая дисциплина, колхозники прекратили ремонт и подготовку к зиме своих домов, заявляя, что им все равно не дадут в них жить. Многие стали покидать ставшие за долгие годы привычными места.[42]

Помимо укоренившихся античеченских настроений, вызванных их многолетним противостоянием с Россией,[43] местные власти в таком подходе руководствовались также тем соображением, что появление в бывшей Чечено-Ингушетии больших масс «возвращенцев» неизбежно приведет к резкому ухудшению общественного порядка в регионе. К такому выводу приводили и цифры соотношения «новых» и «старых» обитателей бывших чечено-ингушских земель – если первых насчитывалось менее 180-ти тысяч, то вторых – порядка 400. На фоне все усиливавшейся напряженности Грозненский обком партии пошел на решительные меры. 20 октября 1956 г. его бюро приняло постановление «О самовольном возвращении чеченцев и ингушей на территорию Грозненской области».[44] Несанкционированное возвращение чеченцев и ингушей, их требования об освобождении своих домов квалифицировались в постановлении как отрицательно сказывающиеся на настроении местных жителей. Сам факт принятия такого постановления означал, что регион ожидал от центра неотложных мер, направленных на то, чтобы остановить набиравший силу стихийный поток «возвращенцев».[45]

---

41 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 124-126, 219.

42 Там же, оп. 30, д. 177, л. 47-48; оп. 31, д. 56, л. 126, 218-219, 224-225.

43 John B. Dunlop, *Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict* (Cambridge, 1998), pp. 40-74.

44 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 216.

45 Некрич утверждает, что в руководстве Грозненской области существовало два полярных мнения на этот счет: секретарь обкома партии А.И. Яковлев якобы категорически возражал против возвращения чечен и ингушей, а председатель

После ликвидации режима спецпоселений обстоятельства сложились так, что изначально определенный порядок, согласно которому бывшие депортированные должны были оставаться в местах высылки, оказался нарушен. Маховик «синдрома возвращения» после XX съезда раскрутился в полную силу. Однако при этом в различных регионах к проблеме «возвращенцев» относились очень по-разному. С одной стороны, возвращение балкарцев, карачаевцев и калмыков негласно приветствовалось, и Кабардинский обком партии, не взирая на запреты центра, даже принял ряд постановлений, которыми облегчал депортированным возвращение и обустройство на исторической родине. С другой стороны, на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР приезд «старых» хозяев вызвал недовольство местных властей и населения. «Подвиги» чеченских бандитов были еще слишком свежи в памяти и заставляли относиться к будущим «возвращенцам» как к опасным «чужакам», с которыми невозможно мирно сосуществовать. В результате Грозненский обком партии просил центр взять под строгий контроль незаконное возвращение чечен и ингушей на родину.

Восстановление автономных территорий

Различия в подходах: поиск выхода из ситуации

С октября по ноябрь 1956 г. в центральном партийном аппарате интенсивно обсуждались пути решения вопроса о «возвращенцах» с прицелом на возможное восстановление их автономий. Регионы, ожидавшие балкарцев, карачаевцев и калмыков, просили ускорить принятие принципиального решения по этому вопросу, дабы узаконить прибытие возвратившихся и способствовать их трудоустройству и обзаведению жильем. Здесь же бывшие депортированные получили предварительное согласие властей на восстановление их автономий.[46] Регионы же предполагаемого массового заезда чечен и ингушей никак не хотели их принимать и уж тем более не желали восстановления их национальной автономии. Таким образом, перед аппаратчиками ЦК, которым была поручена разработка итогового постановления, возникла сложная дилемма.

Между тем, время шло, и к началу октября центр все еще не имел готового решения особенно в отношении чечен и ингушей, о чем свидетельствует записка, составленная заведующим Отделом партийных ор-

облисполкома Коваленко придерживался противоположной точки зрения и приветствовал воссоздание ЧИ АССР (Nekrich, *The Punished Peoples*, p. 135). К сожалению, во время работы в РГАНИ автор этих строк не обнаружил документы, которые могли бы подтвердить, либо опровергнуть это сообщение.

46 Не все регионы сразу согласились на восстановление автономии. Например, Кабардинский обком партии, хотя и охотно принимал возвращающихся, но относился к планам их будущей автономии более, чем прохладно. – См.: *Козлов.* Массовые беспорядки. С. 104-105; РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 118.

ганов ЦК КПСС по РСФСР В. Чураевым.[47] Для того, чтобы удовлетворить все официальные заинтересованные стороны, возникло даже предложение «разделить» подходы к решению проблемы «возвращенцев» – узаконить переезд на родину и предоставить автономию только калмыкам, карачаевцам и балкарцам, а чечен и ингушей оставить в местах высылки без предоставления автономии. Однако, как верно отметил в своей записке Чураев, столь явная дискриминация вряд ли была приемлема. В общем, напрашивался вывод, что вопрос необходимо решать «в соответствии с национальной политикой партии и оценкой, которую дал XX съезд КПСС факту выселения указанных народностей». Таким образом, перед лицом массового потока «возвращенцев» центр был вынужден уступить: «возвращенчество» было легализовано вместе с положительным решением вопроса о предоставлении автономии бывшим депортированным народам.

В предоставлении им автономии центральный партаппарат видел способ предотвратить дальнейшее самовольное возвращение депортированных на Северный Кавказ. Считалось, что если принципиально вопрос об автономии решен в положительном смысле (и даже независимо от сроков реализации этого решения), то каждый бывший депортированный будет уверен в том, что рано или поздно получит право вернуться на родину. Тем самым центр получал возможность перехватить инициативу у «подстрекателей» массового выезда на Северный Кавказ, а в дальнейшем и регулировать распространение опасного «синдрома возвращения».

Однако «двойная бухгалтерия» по отношению к чеченам и ингушам все еще давала о себе знать. В той же записке Чураева было высказано предложение, следуя «принципам ленинской национальной политики», признать необходимость предоставления им автономии, но, учитывая резкие возражения, поступившие с мест, образовать такую автономию не на Северном Кавказе, а «на другой территории, например, в Средней Азии или Казахстане».[48] Иначе говоря, автор записки предлагал разрешить возвращение на родину балкарцам, карачаевцам и калмыкам с последующим восстановлением их автономий, в то время как чеченам и ингушам возвращение запретить, а их автономию образовать вне Северного Кавказа. При этом полумера в виде их автономии в Центральной Азии виделась лишь как средство приостановить их стихийный отъезд и хотя бы на время установить статус-кво в местах высылки.

16 октября 1956 г. в комиссию под председательством А.И. Микояна[49] был представлен проект постановления Совета Министров СССР «О

47 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 227-233.

48 Некрич сообщает, что партийные активисты делали попытки убедить чечен и ингушей согласиться на создание их автономии в Чимкенте Узбекской ССР. – См.: Nekrich, *The Punished Peoples*, p. 135.

49 Микояновская комиссия была образована по инициативе Президиума ЦК КПСС не ранее середины июня по ходу изучения вопросов, связанных с реабилитацией

восстановлении национальных автономий калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей» (к сожалению, этот документ пока не доступен широкому кругу исследователей). Предполагалось, что подготовка к учреждению этих автономий займет 3-4 года.[50] По всей видимости, этот проект был разработан на основе названной записки Чураева – по крайней мере, их общая направленность совпадает. Говоря об этом проекте, Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов не указывают конкретного места предполагавшегося учреждения чечено-ингушской автономии. Берем на себя смелость предположить, что в документе Совмина от 16 октября, как и в цитированной записке Чураева, чечено-ингушская автономия проектировалась не на Северном Кавказе, а все в тех же местах их высылки.[51]

Подтверждением нашей гипотезы служит и уже упомянутое постановление Грозненского обкома партии от 20 октября. Словно отвечая тамошним коммунистам, Административный отдел ЦК КПСС и Отделы партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам и РСФСР в совместной записке от 30 октября предложили выселить возвратившихся чечен и ингушей в административном порядке и развернуть пропагандистскую работу для их закрепления в Казахской и Киргизской ССР.[52] Не трудно заметить стремление центрального партийного аппарата удержать их в местах высылки во что бы то ни стало. Следовательно, тогда центр еще не допускал мысли о возможности возвращения чечен и ингушей на историческую родину. «Двойная бухгалтерия» Москвы чуть было не обострила ситуацию с депортированными еще больше.

Однако в ноябре 1956 г. произошел новый крутой поворот политического курса, который спутал все карты разработчиков планов дискриминации чеченцев и ингушей. В постановлении Президиума ЦК КПСС

депортированных народов. Сначала она занималась ликвидацией спецпоселений чеченцев, ингушей и карачаевцев, а в дальнейшем разрабатывала конкретные предложения по вопросу о «возвращенцах» и восстановлении их автономии. – См.: *Артизов.* Реабилитация. Т. 2. С. 805-806.

50 *Бугай, Гонов.* Кавказ: народы в эшелонах. С. 297-298.

51 В последний момент корректуры автору этих строк посчастливилось приобрести сборник документов, в котором включается текст проекта постановления Совета Министров от 16 октября. Просматривая его, оказалось, что данный проект не определяет конкретное местонахождение чечено-ингушской автономии, указывая на «большие трудности с расселением, жилищно-бытовым и трудовым устройством всего чечено-ингушского населения в местах прежнего их жительства», а предполагает лишь образовать правительственную комиссию для определения территории «Чечено-ингушской национальной автономии». Таким образом, предположение автора оправдано наполовину: с одной стороны проект допускает возможность удалить чечен и ингушей из Северного Кавказа, а с другой не видит обязательным их задержание в местах высылки. См. *Патиев Я.С.* Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944-2004. Магас, 2004. С. 409.

52 РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 225.

от 24 ноября этого года «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов»[53] говорилось, что, исходя из принципов ленинской национальной политики и указаний XX съезда, следует исправить историческую «несправедливость» и восстановить все перечисленные национальные автономии. Важно отметить, что всякая дискриминация чеченцев и ингушей здесь была полностью ликвидирована: всем народам, в свое время отмеченным в секретном докладе Хрущева, равным образом предполагалось предоставить автономию на исторической родине. Процесс реализации этих планов также претерпел существенные изменения. Вместо первоначально предполагавшихся 3-4-х лет все мероприятия, связанные с образованием автономий, возвращением депортированных и их обустройством, было решено уложить в ближайшие два года (правда, исключение было сделано в отношении все тех же чеченцев и ингушей – учитывая их многочисленность, на организацию их автономии отводилось вдвое больше времени).

Непосредственно перед принятием текст данного постановления обсуждался на заседании Президиума ЦК 22 ноября. Основой для обсуждения послужила записка А.И. Микояна, К.Е. Ворошилова, Г.М. Маленкова, Л.И. Брежнева и Н.И. Беляева от 14 ноября, причем выступили восемь влиятельных членов Президиума во главе с Хрущевым. Проект в основном был одобрен, а Микояну и Брежневу была поручена окончательная редакция текста постановления, в который было рекомендовано включить и крымских татар.[54]

Поскольку, как указывалось, эти документы все еще находятся на секретном хранении, можно только догадываться, что послужило истинной причиной столь резкого изменения курса особенно по чечено-ингушской проблеме. Нельзя при этом не учитывать, что напряженность, возникшая на Северном Кавказе, требовала скорейшего разрешения. Однако нам представляется, что не меньшую роль в этом деле, хотя и косвенно, сыграл внешнеполитический фактор, особенно события в странах Восточной Европы.

Как известно, секретный доклад Хрущева неожиданно для руководства СССР вызвал политический кризис в Польше и Венгрии. После июньских беспорядков в Познани напряженность в Польше продолжала нарастать, причем уже в октябре нависла угроза советского военного вмешательства, к счастью, в итоге не реализованного. Однако волнения в Польше эхом откликнулись в Венгрии. Премьер И. Надь под воздействием общественного мнения заявил о введении в стране многопартийности и о планах выхода Венгрии из Варшавского договора, чего, конечно, СССР допустить ни в коем случае не желал. 4 ноября советские

---

53 *Артизов.* Реабилитация. Т. 2. С. 199-203.

54 Там же. С. 202, 807.

войска, вторгшись в Будапешт, сместили правительство И. Надя,[55] но проблема воздействия венгерского «мятежа» на внутриполитическое положение СССР продолжала заботить советское руководство и после его ликвидации.[56] К тому же, одновременно с венгерскими событиями на международной арене возникли и другие очаги напряженности, требовавшие советского вмешательства, например – национализация Суэцкого канала Египтом. Таким образом, в октябре-ноябре 1956 г., когда в аппарате ЦК КПСС разрабатывались пути ослабления напряженности на Северном Кавказе, Президиум ЦК был всецело погружен в острейшие внешнеполитические проблемы, которые требовали принятия незамедлительных решений. Разумеется, в таких условиях партийному ареопагу было уже не до проблем горцев и калмыков, и основная работа в этом направлении легла на аппарат Президиума ЦК.

Похоже, что чиновники центрального партийного аппарата, пристально следя за самовольным возвращением горцев и калмыков, прониклись убеждением в необходимости восстановления их автономий на исторической родине. Однако, учитывая позицию местных властей, они не решались настаивать на восстановлении Чечено-Ингушской АССР, прекрасно осознавая при этом, какими социально-политическими последствиями чревата подобная дискриминация. Что же касается Президиума ЦК, которому принадлежало последнее слово в этом вопросе, то он, по условиям момента, был заинтересован лишь в его наименее обременительном разрешении. Таким образом, в силу во многом случайных обстоятельств чаша весов окончательно склонилась в сторону чечено-ингушской автономии на Северном Кавказе. При этом секретный доклад Хрущева был использован в качестве своеобразного «щита» для отражения нападок недовольных из числа местных партийных и советских руководителей. В то же время, именно этот доклад сыграл важную роль в преодолении сопротивления регионов возвращению чечен и ингушей и в ликвидации «двойной бухгалтерии» в решении этого вопроса. В итоге восстановление ряда автономий на Северном Кавказе было принципиально одобрено.

Проблема границ автономий

Принципиальное решение о восстановлении автономий на Северном Кавказе оставляло, однако, открытым вопрос о границах воссоздаваемой Чечено-Ингушской АССР. Постановлением от 24 ноября 1956 г.

---

55 *Пихоя.* Советский Союз. С. 137-143.

56 На заседании Президиума ЦК 4 ноября обсуждался вопрос о профилактике студенческих волнений в вузах всей страны, а в декабре было даже принято закрытое письмо ЦК КПСС к партийным организациям под заголовком «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов». – См.: *Пихоя.* Советский Союз. С. 144.

Президиум ЦК поручил комиссии Микояна подготовить предложения по этому вопросу с учетом позиции региональных властей и мнения представителей чечено-ингушского населения.[57] Однако разработка документа продвигалась с трудом. Представители местных властей по-прежнему выражали недовольство учреждением этой автономии на Северном Кавказе, повторяя, что ее желательно было бы образовалась в другом месте. Только четко выраженная воля Кремля заставляла их как-то примириться с действительностью.[58]

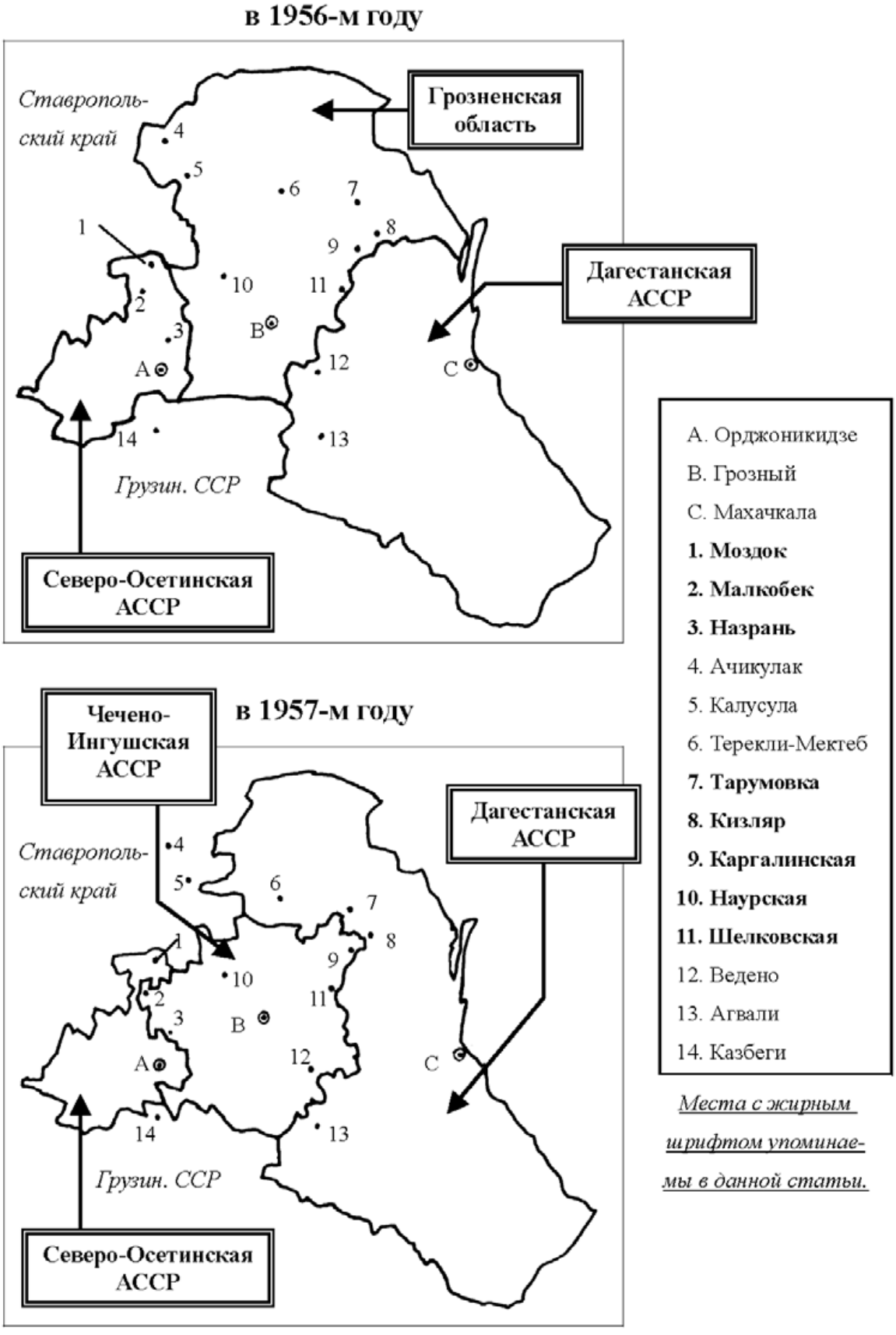
В связи с вопросом об определении границ Чечено-Ингушской АССР вновь произошло столкновение интересов регионов. Дело в том, что вслед за депортацией чеченцев и ингушей их территория после расчленения была поделена между Дагестанской и Северо-Осетинской АССР, Грузинской ССР, а также вновь образованной Грозненской областью, включающей в себе бывший Кизлярский округ Ставропольского края. К тому же на бывших чечено-ингушских землях обосновалось 180 тысяч переселенцев. Местные власти и после принятия принципиального решения о восстановлении ЧИ АССР, стремясь свести к минимуму возможные территориальные потери своих регионов, вносили соответствующие предложения в микояновскую комиссию и тем вызывали недовольство других (см. схему).

В частности, Дагестанская АССР после некоторых колебаний заявила претензии на четыре из шести районов бывшего Кизлярского округа (Кизлярский, Каргалинский, Караногайский и Тарумовский районы), теперь принадлежавшего Грозненской области,[59] угрожая в противном случае продолжать удерживать за собой горные районы юго-восточной части бывшей ЧИ АССР, в 1944 г. включенные в ее состав. Между тем Грозненская область, которая рассматривалась как ядро будущей автономии, да и сами чечено-ингушские представители (на приеме в ЦК КПСС в начале декабря) намечали именно этот округ для расселения «возвращенцев».[60] В итоге центр принял решение передать грозненской стороне один из районов Кизлярского округа, на который претендовал Дагестан (Каргалинский), при одновременном подтверждении дагестанского статуса трех других интересовавших Дагестан районов. Таким образом, для разрешения территориального конфликта между Грозненской областью и Дагестанской АССР был найден компромисс, в некоторой степени удовлетворивший обе стороны.

Северо-Осетинская АССР упорно не желала возвращать Чечено-Ингушской АССР районы, переданные ей в 1944 г., мотивируя эту позицию нежеланием потерять свои послевоенные капиталовложения в эти

57 *Артизов.* Реабилитация. Т. 2. С. 201.
58 РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 56, л. 104.
59 Там же, л. 92.
60 Там же, л. 103-105.

Изменение границ вокруг восстанавливаемой Чечено-Ингушской АССР



территории на общую сумму около 80 млн. рублей.[61] В результате осетины все-таки оказались вынуждены передать ЧИ АССР земли близ Малгобека и Назрани, но смогли сохранить за собой Пригородный район и «Моздокский коридор» – узкую полоску земли, соединяющую «материк» с Моздокским районом. Это решение трудно назвать справедливым, поскольку ингуши всегда считали Пригородный район своей исконной землей. По-видимому, центр полагал, что помимо ранее полученного Каргалинского района компенсацией за эту утрату станет передача ЧИ АССР казачьих Наурского и Шелковского районов по реке Терек. Опрос чечено-ингушских коммунистов, проведенный ЦК КПСС в начале декабря, показал, что они настаивали на передаче им части кизлярских земель, следовательно, предложенная компенсация действительно соответствовала их притязаниям. Впрочем, учитывая, что утрата исконных ингушских земель была компенсирована землями, на которые предполагалось поселить чеченцев, вряд ли такой обмен полностью удовлетворил ингушскую сторону.

В итоге Чечено-Ингушская АССР была восстановлена в основном в прежних границах за исключением Пригородного района, который остался в составе Северо-Осетинской АССР. Решение о создании такой своеобразной буферной зоны, отделявшей Орджоникидзе (ныне Владикавказ) от территории Чечено-Ингушетии, несомненно, было пролоббировано северо-осетинскими властями. Судя по всему, при этом ими было выдвинуто два аргумента – социально-экономическая общность этого района с Орджоникидзе и согласие на прием и расселение ингушей, поданное как превращение Пригородного района в «район осетино-ингушской дружбы». Сохранение этого района в составе Северной Осетии в какой-то степени можно объяснить и тем, что именно здесь обосновались 26 тысяч юго-осетинцев из Грузинской ССР: как центр, так и местные власти стремились избежать расходов по их перемещению в Грузию.[62]

Автору этих строк удалось обнаружить в бывшем Центральном партийном архиве письмо северо-осетинских властей от июня 1955 г., в котором содержалось требование о возвращении их автономии части Гизельдонского и Пригородного районов, присоединенных к Грузии в 1944 г. (вину за передачу их Грузии авторы письма возлагали на «врага народа Берия»). Интересно, что письмо сохранилось в деле о восстановлении Чечено-Ингушской АССР от января 1957 г. Можно предположить, что центром этот документ был использован в качестве аргумента для оправдания планов включения Пригородного района в состав Северо-Осетинской АССР. Существование этого письма свидетельствует об ак-

---

61 Там же, л. 104-105.

62 *Цуциев.* Осетино-ингушский конфликт. С. 73-75.

тивном поиске Москвой любых возможностей для разрешения территориальных вопросов между осетинами и ингушами.[63]

Разумеется, ингушское население пыталось протестовать против стремления отобрать у них земли предков. 21 декабря 1956 г. группа ингушей в ожидании скорого возвращения на родину направила из Киргизии телеграмму протеста в ЦК КПСС.[64] Страсти не утихли и после восстановления ЧИ АССР без Пригородного района. В феврале 1957 г. в Москву поступило письмо восьми ингушей, жителей Пригородного района, в котором приводились факты их дискриминации со стороны осетин – наложение штрафов за проживание, грабеж ингушских «возвращенцев» и т.д. Письмо содержало и просьбу о присоединении к воссозданной Чечено-Ингушской АССР Пригородного района. Но как центральные, так и северо-осетинские власти на подобные обращения никак не реагировали.[65]

Волнения, вызванные массовым притоком людей на Северный Кавказ, закончились с восстановлением национальных автономий народов, депортированных в годы правления Сталина. После определения границ Чечено-Ингушской АССР существенных поворотов в судьбах этих народов уже не предвиделось. Порядок был восстановлен, региональные власти не видели более возможностей для удовлетворения своих интересов, а вероятность последующих изменений была крайне мала. В отличие от совсем недавнего прошлого, центр и регионы, найдя, наконец, общий язык, перешли к сотрудничеству.

Та же участь, как ингушей, в определении границ автономии постигла и калмыков. Приволжский и Лиманский районы были выведены из Калмыцкой автономной области и оказались в составе Астраханской. Руководство будущей автономии в надежде на заступничество ЦК партии провело в Москве последние дни 1956 года вплоть до опубликования постановления от 9 января 1957 г. о восстановлении Калмыцкой АО.[66] Волнения по поводу новых границ калмыцкой автономии продолжались и после ее восстановления. В январе и мае 1957 г. районные руководители Астраханской и Калмыцкой областей по очереди обращались в ЦК КПСС с просьбами пересмотреть границы между ними, обосновывая эти требования экономической нецелесообразностью установленных границ. Однако всякий раз подобные предложения отвергались. Решен был лишь вопрос о переносе районных центров Калмыкии, но и для этих ничтожных изменений потребовались громадные усилия.[67]

---

63 РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 56, л. 95.
64 Там же, л. 98.
65 Там же, д. 81, л. 47-53.
66 Там же, д. 83, л. 2-3.
67 Там же, л. 46-47, 71-73, 91-92.

9 января 1957 г. был издан ряд указов Президиума Верховного Совета СССР об образовании автономий в составе РСФСР.[68] Ими были восстановлены автономные территории депортированных народов – Калмыцкая и Карачаево-Черкесская автономные области, а также Кабардино-Балкарская и Чечено-Ингушская АССР. Ход восстановления этих автономных территорий оказался тесно связан с общим процессом десталинизации. Осуждение культа личности Сталина достигло апогея летом 1956 г., а после венгерских событий пошло по нисходящей. Оживление закончилось в 1957 г. восстановлением названных четырех автономных территорий. Примеры Ингушетии и Калмыкии свидетельствуют о том, что в этом деле также была поставлена точка.

Заключение

В феврале 1956 г., когда на закрытом заседании XX съезда КПСС Н.С. Хрущев затронул вопрос о депортации народов, никто не предполагал, что восстановление ряда автономий на Северном Кавказе когда-либо сможет реализоваться. Власти считали, что горцы и калмыки, освобожденные из спецпоселений, тем не менее, должны оставаться в местах высылки, так как ранее контингент спецпоселенцев (скажем, немцы) безропотно выполнял их соответствующие указания. Но события приняли совсем другой оборот.

Депортированные народы горячо приветствовали перемены в центре. Возникли их национальные движения, ядро которых, как правило, составляла бывшая партийно-государственная элита и интеллигенция. Жалобы, направленные этими организациями в Москву, и поездки делегатов привели к тому, что осуждение культа личности не ограничилось ликвидацией спецпоселений; у ранее депортированных появилась реальная надежда вернуться на родину и даже восстановить свои автономии. После XX съезда резко возросло число тех, кто, не дожидаясь разрешения властей, возвращался на родину, несмотря на существовавшие запреты. Они полагали, что оправданием этих действий является само упоминание о них в секретном докладе Хрущева.

Большинство регионов Северного Кавказа и Нижнего Поволжья тепло принимали возвращавшихся. После депортации прежние места их обитания годами оставались малозаселенными, либо заброшенными. Поэтому в «возвращенцах» (пусть и нелегальных) местные власти увидели ценный трудовой ресурс, необходимый для развития их регионов. В результате несанкционированное «возвращенчество» приняло массовые масштабы. В частности, пользуясь расположением и молчаливым одобрением местных властей, на родину успело вернуться более трети всех депортированных балкарцев.

---

68 *Артизов.* Реабилитация. Т. 2. С. 218-220.

Осознав просчет, в центре поняли, что взять этот процесс под контроль можно лишь официальной санкцией на возвращение с последующим восстановлением национальных автономий. Однако на этом пути возникали и серьезные проблемы. Так, возвращение чеченцев-ингушей вызвало немалое недовольство на местах под влиянием воспоминаний о бесчинствах чеченских бандитов. Центр постарался учесть интересы всех сторон при решении чечено-ингушского вопроса. Попытки части центрального и местного партаппаратов пойти по пути дискриминация этих народов были преодолены благодаря упоминанию о них в хрущевском докладе на XX съезде. Равноправие при реабилитации депортированных народов, таким образом, было обеспечено.

Восстановление автономных территорий без активного участия регионов было бы невозможно. Если бы вопрос о депортации народов не был затронут в докладе Хрущева «о культе личности», то ликвидация спецпоселений не сопровождалась бы восстановлением их автономий. По крайней мере, Чечено-Ингушская АССР не была бы воссоздана, если бы лейтмотивом выступления лидера КПСС на партийном съезде не стал постулат о национальном равноправии. Таким образом, доклад Хрущева «о культе личности» на закрытом заседании XX съезда КПСС сыграл огромную роль в деле восстановления национальных автономий депортированных при Сталине народов. При этом второе представляется не столько автоматическим следствием первого, сколько реализацией лишь одного из вариантов развития событий, результатом во многом случайного поворота сложного хода истории, наконец, следствием переплетения интересов трех сторон – центра, регионов и самих бывших депортированных народов.